

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье затрагивается лингвистический аспект существования таких констант культуры, как «свой» и «чужой» в маргинальном миноритарном эвенкийском языке.

The article deals with the linguistic aspects of using such cultural constants as «one's» and «foreigner's» in the marginal and minorital evenk language.

Для лингвистики второй половины 20-го века характерен повышенный интерес к исследованию взаимосвязи языка и духовной нации, что послужило основанием к становлению лингвокультурологии – «научной дисциплины, исследующей воплощенные в живой национальный язык материальную культуру и менталитет» [1, с.216]. Неисчерпаемым источником изучения мировосприятия является запись речи людей, находящихся в относительной замкнутости между личностью и обществом и сохранивших свои представления о мире и отношении к нему посредством неписанных правил и запретов, каковыми являются представители эвенкийской народности. Компактность проживания, удаленность от крупных населенных пунктов, сохранение традиционного уклада жизни – основные черты восприятия человека и всего его окружающего.

Как отмечает А.Н.Серебренникова: «Осознание «особости», отдельности актуализирует универсальную семантическую оппозицию «свой» – «чужой», которая может интерпретироваться в социальном, конфессиональном, территориальном плане. При этом представитель этнического самосознания осознает свою принадлежность к определенной группе (семье, деревне, нации), к определенной территории («свое» пространство дома, деревни, края) и т.д. Являясь носителем коллективного сознания, хранителем родовой памяти, человек осваивает мир, отделяя «свое» – обжитое, понятное, от «чужого» – далекого, неизвестного,

осознавая при этом личную причастность к миру, в котором он живет» [2, с.149].

Ситуация межэтнического общения позволяет выявить своеобразие самосознания представителя той или иной нации, где происходит деление на «наших» и «не наших» путем противопоставления «своего» и «чужого». Замечания В.Н.Топорова сводятся к тому, что «каждый народ – осознанно, полуосознанно или неосознанно – несет свою идею, свой мир представлений о другом. И поэтому эти естественные и даже необходимые различия своего и чужого на фоне бесспорно общих задач жизнеобеспечения становятся предлогом, почвой, местом, где начинаются несогласия, различия, споры, ссоры» [3, с.5]. Особенность эвенкийского самосознания строится на том, что представитель другой национальности является и «гостем», которому необходимо оказать должный почет, и «чужаком». Территориальный и конфессиональный факторы становятся причиной подобного отношения. Чем дальше удален тот или иной этнос в пространстве, тем меньше знаний о нем закрепляется в сознании эвенка и тем труднее находить точки взаимопонимания при общении. Лексическая система эвенкийского языка отражает явление данного порядка через существование лексем, отражающих характеристику «чужого» человека по этнической принадлежности: «луча», «лõча», «русской», «люча» (русский); «коряк» (коряк), «чукча» (чукча), «грек» (грек) и т.д. При этом стоит отметить, что существова-

ние дуплетных форм и чисто эвенкийской лексемы при обозначении представителя другой национальности – это свидетельство более тесного взаимодействия эвенков с данными этносами. К таковым относятся: *бореимнй* – бурятка; *бореингкун* – бурят; «луча», «лѳча», «русской», «люча» (русский); и т.д.

Постоянная попытка найти отличительные черты не только в поведении, но и в поступках *хунтэкэ* (чужого человека) находит отражение и в словарных статьях: *Эр экума-вал хунту бэе бичэн* это был какой-то чужой мужчина; *Би-кэ хунту бисим* ведь я посторонний хунтулду эвкэ ивуврэ посторонний вход воспрещен; а также и во фразеологизмах: *Эвэнкй – кэт чикэнин кэтэ, луча-кэт чикэнин кэтэ* на свете много разных людей (по национальности). «Чужой» (в значении «иностранец») может отличаться и по внешним признакам: *каптама* – плоский; *каптама онгокточй* разг. «плосконосый» (так называют себя эвенки в противоположность *игоним онгокточй* «длинноносый» – о русских).

Родовая принадлежность эвенков, несмотря на соответствие по этническому принципу, может лечь в основу разделения на «наших» и «не наших» и появления следующих элементов характерологической лексики: *нимак* (человек из другого рода, чужеродец); *мата* – 1) чужеродец; 2) сосед, гость; 3) незнакомец. И как следствие – появление фразеологических единиц: *Таварвахин куртак чэчэтин!* (Да это же человек из рода Куртак).

Данные опроса, проводимого среди носителей эвенкийского языка, проживающих на территории Амурской области позволяют дополнить данную оппозицию следующими

значениями: так, «чужой» для представителей эвенкийской национальности – это «дальний», «соседи», «который все время ходит злой и раздражительный», «с которым не общаешься», «который сделает тебе плохо», «человек, которого не знаешь».

В противоположность «чужому» «своими» (по данным опроса носителей языка) являются «родственники», «родной», «близкие по душе», «хорошо знакомые», «человек, который тебя понимает», «если ему можно верить», «друг». В лексической системе зафиксированы следующие наименования для обозначения людей подобного толка: *мутнй, мэннй* (свой), *акāде* – сородич, дядя; *албату* – родня, сородичи и т.д.

Определенная степень родства, наличие дружественных отношений не является константным в принадлежности «свой», поскольку различные ситуации, а к таковым относятся «предательство», «обида», «когда пожадничает», «обман», «ссора и непонимание», «когда не помогает» и т.д., способны изменить данную позицию на полярную. Оппозиция «свойственности» и «чуждости» складывается из следующих отношений: принадлежность к семье, дому; принадлежность к краю; принадлежность к нации; соответствие этнического самосознания и поведения; наличие степени родства и дружественных отношений и зависит от результатов взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск, 2000.
2. Болдырев Б.В. Русско-эвенкийский словарь. Новосибирск, 1994.
3. Варламова Г.И. Фразеологизмы в эвенкийском языке. Новосибирск, 1986.